

ОБРАЗ ПРОСТРАНСТВА В ФОЛЬКЛОРНО-ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА NURSERY RHYMES

*Работа представлена кафедрой лексики английского языка
Московского педагогического государственного университета.
Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент Ю. Ф. Гурьева*

В статье исследуется специфика восприятия и вербальной репрезентации образа пространства в фольклорно-языковой картине мира *nursery rhymes*. Автор особо отмечает глубокую символичность и национально-культурную детерминированность фольклорного пространства, выраженные в принципах его моделирования и в семантике описывающих данный процесс лексических единиц.

The article deals with the modern approach to folklore studies. The author stresses that, viewed from the socio-cultural and cognitive angles, folklore texts prove to be an invaluable source of information revealing the principles of construction and existence of the folklore-language picture of the world. The author uses colourful examples to support her statements.

Известно, что человек, обитая в культурно заданном пространстве, живет в мире символов и значений. Подобная семиотизация окружающего мира происходит вследствие того, что жизнедеятельность как отдельного человека, так и всего этнокультурного сообщества связана с накоплением и упорядочением знаний, полученных в результате созерцания, познания действительности. При этом отмечается активная роль человека в процессе семиотизации мира, так как именно он в ходе своей креативной деятельности создает эти знаки и значения. Это становится возможным благодаря ряду факторов. Во-первых, систематизация знаний осуществляется в соответствии с «параметрами, выработанными исторически сложившейся ценностно-смысловой (архаической, религиозной, обыденной, научной и т. п.) системой», которая опирается на «категориально-семантические доминанты», а именно мировоззренческие, нравственные и образные стереотипы. Во-вторых, этнокультурное сознание, в свою очередь, также структурировано се-

миотическими системами, существующими обособленно от психики отдельных членов данного лингвокультурного сообщества. Следовательно, заполняя специально отведенные в этнокультурном сознании ячейки, знания образуют особый кодекс, набор убеждений, идеалов и ценностей, правил и норм, особую систему взглядов на мир – иными словами, составляет содержательную (когнитивную) базу некоего лингвокультурного пространства¹.

Вопрос о том, как фиксируется и из чего вычитывается национально-специфическая информация, звучит на современном этапе развития лингвистики особенно актуально. Лингвофольклористы утверждают, что концентрация национально-культурных смыслов достигает максимума именно в фольклорных текстах, сами же эти тексты являются «сложным образом закодированными сообщениями»².

Подобный взгляд на фольклорные произведения обусловлен особенностями их возникновения и бытования. Так, на ранних этапах своего существования помимо

выполнения сугубо эстетической, художественной функции эти тексты помогали решать ряд практических задач. Благодаря включенности в обряд (напомним, что ритуальное мироощущение и обрядовое мышление лежат в основе эстетики устно-поэтического канона) фольклорные тексты в обязательном порядке сопровождали все события жизненного и годового циклов, тем самым структурируя их. Кроме того, фольклорные произведения в их совокупности можно назвать «своеобразным народным учебником этики»³.

Однако этнографы и фольклористы говорят о том, что фольклор – не бытописание, а «творческое искажение реальности»⁴, так как в устнопоэтическом творчестве действительность опосредована мышлением особого типа. Прежде всего это архаическое мифологическое мышление, которое характеризуется отсутствием причинно-следственных связей, обобщений, абстракций и понятий, а также особым восприятием пространства и времени, категорий единства и множества, качества субъекта и объекта. Наконец, для этого мышления типичен весьма специфический взгляд на реальное и нереальное. Иными словами, «в фольклоре поступают так, а не иначе, не потому, что так было в действительности, а потому, что это так представлялось по законам первобытного мышления»⁵.

При этом погруженность фольклорных текстов в обряд обуславливала их многократное воспроизведение и неизменность в плане формы и содержания, что свидетельствует о стремлении архаического общества к постоянству, замкнутости и традиционности во всех сферах жизни (социально-бытовой, религиозно-идеологической и др.). Подобная форма бытования фольклорных произведений говорит об их установке на долгосрочность и преемственность культурной традиции, что представляется особенно важным, так как стабильность является необходимым условием существования культуры.

Еще одним доказательством того, что фольклорные произведения нельзя приравнивать к картинкам быта в словесном облике, является «полистадиальность», или «многослойность», фольклора⁶. Этим свойством фольклор обязан особенностям развития духовной культуры вообще: в отличие от материальной культуры, элементы которой сменяются со сменой эпохи, новые тенденции в духовной сфере не отвергают старых, а «уживаются» с ними⁷. В. Я. Проппом описано несколько моделей трансформации «старых» фольклорных образов и мотивов под влиянием «новых» идеалов и убеждений. Так, в одном случае перешедший на новую ступень фольклор вступает в противоречие с создавшим его строем, что отражается в переоценке ценностей, придании отрицательной окраски некогда положительному и наоборот. Или же происходит «гибридное соединение» старых и новых образов и сюжетов, которое зачастую и объясняет возникновение причудливых и на первый взгляд нелогичных реалий фольклорного мира. Наконец, возможно переосмысление старого, его преломление сквозь призму новых форм сознания и адаптация к новой реальности⁸. Так или иначе «старое» не отмирает, а накапливается. Этот факт позволил ученым сделать вывод о способности фольклора аккумулировать национально-культурную информацию.

Принимая во внимание многочисленные лингвокультурные особенности фольклора, считая его глубоко национальным явлением, известный лингвофольклорист С. Е. Никитина выделяет несколько уровней понимания фольклорного текста. Ознакомление с произведением на уровне прямого прочтения доступно любому носителю нефольклорной культуры, знающему язык, тогда как переход от непосредственного прочтения в мир смыслов возможен лишь при условии знания фольклорной картины мира⁹.

Несмотря на то что понятие «фольклорная картина мира» появилось сравнительно

но недавно, лингвистическая наука располагает достаточно обширными данными о специфике построения и языкового воплощения этого феномена. В частности, ученые едины во мнении, что фольклорная картина мира – это «фрагмент концептуальной картины этноса, одна из ипостасей картины мира носителей фольклорной традиции»¹⁰. При этом концептуальная картина мира, называемая также непосредственной, есть результат прямого познания окружающей действительности сознанием при помощи органов чувств и абстрактного мышления. Среди свойств концептуальной картины мира отмечаются ее системность и способность воздействовать на процесс восприятия личностью окружающего мира¹¹.

Немаловажной характеристикой концептуальной картины мира этноса считается ее динамичность, т. е. изменчивость содержания ее категорий, в силу чего концептуальные картины мира в разные эпохи отличаются друг от друга. Эта мысль созвучна описанному выше принципу развития материальной культуры.

В то же время не стоит забывать о том, что концептуальная картина мира фиксируется знаковыми системами, одной из которых является язык. Доказано, что язык, будучи неотъемлемой частью духовной культуры, весьма консервативен, благодаря чему он сохраняет в своем семантическом пространстве отголоски исчезнувших представлений. Фольклор также консервативен. Однако в отличие от кумулятивных свойств языка консервативность фольклора проявляется еще и в том, что он не сразу фиксирует произошедшие перемены и появившиеся новшества. Это происходит лишь при условии, что данное новшество или событие заслуживает одобрение всего фольклорного социума и, как следствие, становится ценностно значимым. Таким образом, наличие консервативности и у языка, и у фольклора сближает эти формы духовной культуры.

Справедливым является замечание о том, что в основе фольклорной картины мира лежит архаическая или мифопоэтическая картина мира. Одной из черт, унаследованных от нее фольклорной картиной мира, является описание фольклорной реальности в системе семиотических оппозиций, носящих универсальный характер для представителей всех культур. Вот лишь некоторые примеры данных семиотических противопоставлений: свой – чужой, далекий – близкий, верх – низ, вертикальный – горизонтальный, восток – запад, север – юг, мужской – женский, счастье – несчастье и т. д. Среди всех оппозиций (в целом их около сорока) особое место отводится паре «свой – чужой», тогда как большая часть остальных оппозиций может рассматриваться как частные случаи вышеназванной ключевой пары.

Семиотичность или символичность пронизывает весь мир фольклора, а элементы картины мира, которые несут подобную нагрузку, выражены либо специфическими для каждого жанра лексическими единицами, либо одними и теми же словами и словосочетаниями, приобретающими в семиотическом пространстве определенного жанра характерную семантическую окраску.

Именно поэтому фольклорную картину мира следует описывать на основе произведений *одного* жанра¹² (здесь и далее выделено нами. – И. З.). Следовательно, картина народного мировидения, с одной стороны, обусловлена жанровым своеобразием произведений, а с другой – особенностями мифопоэтической модели мира.

Исследователями выявлено, что слова, обозначающие элементы пространства в фольклорных текстах, несут глубокий символический смысл, а сам образ пространства в произведениях устного народного творчества значительно отличается от научного и даже обыденного.

В статье мы предприняли попытку проанализировать способы описания и измерения пространства по горизонтали и вер-

тикали в системе фольклорного жанра *nursery rhymes* (NR).

Характерной чертой мифологического и фольклорного пространства является его структурированность, разделение на сакральный центр и периферию, отождествляемую с хаосом. Так, преодолевая путь, герой стремится к центру, обладающему высшей сакральной ценностью. Вслед за В. Я. Проппом современные лингвофольклористы утверждают, что фольклорному пространству свойственна эмпиричность, т. е. описать можно лишь то пространство, которое в данный момент окружает героя, причем именно изображение перемещения персонажа в пространстве и есть описание самого пространства¹³. Иными словами, «поэтика фольклора есть поэтика движущихся тел»¹⁴. Движение же служит средством структурирования мифопоэтического пространства.

Подобная структура пространства и способ его описания обнаруживаются в фольклорной картине мира NR. Следующий пример иллюстрирует любопытный способ измерения пространства посредством движения:

How many miles to Babylon?
Three score miles and ten.
Can I get there by candle-light?
Yes, and back again. ...

В этой NR представлены два способа измерения расстояния: с помощью числительных в милях «three score miles and ten» (ср.: тридевятое царство, тридесятое государство), а также при помощи выражения «by candle-light», указывающего на время, проведенное в пути. Согласно английским фольклористам, супругам Оупи, выражение «Can I get there by candle-light?» было популярной поговоркой во времена Елизаветы I¹⁵, однако в приведенном примере вопрос, очевидно, используется в буквальном смысле.

Как уже отмечалось, герой фольклорного произведения стремится к сакральному центру. В текстах NR закреплены сле-

дующие подлинные и вымышленные топонимы и объекты, обозначающие центр: London town, London Bridge, Babylon (возможно, искаженное Babyland), the old crow's nest, Banbury Cross. Некоторые из указанных лексических единиц называют реально существующие и существовавшие объекты и местности. Их присутствие в NR представляется вполне оправданным, так как Лондон издревле является средоточием общественной и экономической активности, Лондонский мост в данном случае выступает в роли символа города, Banbury Cross – это стоявший на рыночной площади крест, уничтоженный пуританами в 1601 г. Иными словами, это объекты, несущие символическую нагрузку и печать исторической памяти.

В отличие от вышеупомянутых случаев топоним Babylon в NR использован для обозначения не реальной местности, а вымышленной. Так, в начале XVII в. Babylon – это далекий, богатый, роскошный город¹⁶.

Особняком стоит выражение the old crow's nest, использованное в старинной считалке:

Eeny, weeny, winey, wo,
Where do all the Frenchmen go?
To the East or to the West,
And into the old crow's nest.

Обращает на себя внимание тот факт, что, каким бы ни был герой этой NR (среди вариантов – a youngman, a roo Scotsman, sailors), в конце своего пути он непременно оказывается в птичьем гнезде. Стоит отметить, что многие птицы – популярные священные персонажи английского фольклора. Пожалуй, ни одна другая фольклорная традиция не уделяла птицам такого пристального внимания, как английская, а обычай приписывать им разнообразные магические свойства уходит корнями в глубокую древность¹⁷.

Ворона, например, стойко ассоциируется с дурным предзнаменованием, знаком смерти. Следовательно, воронье гнездо – это воплощение нежелательного, чуждого

представителю традиционного фольклорного сообщества местонахождения. Таким образом, в анализируемом тексте, возможно, нашла отражение базовая оппозиция мифопоэтической и фольклорной моделей мира «свой – чужой», отсутствующая в описанном ранее примере.

Становится очевидным, что время появления NR имеет большое значение для толкования представленных в ней пространственных отношений и ориентиров. В частности, чем древнее фольклорное произведение, тем теснее его связь с архаической картиной мира. Однако NR, появившиеся позже, утрачивают столь тесную связь с мифопоэтической картиной мира, вместо этого они все в большей и большей степени ориентированы на современные им реалии.

Также лингвофольклористы высказывают идею о том, что «семиотический компонент семантики фольклорного слова является постоянной величиной, независимой от контекста... так как семантика языковых элементов фольклорного текста мотивирована на уровне традиции, а не на уровне самого текста»¹⁸. Эта особенность наблюдается в проанализированных произведениях. Однако в более древнем примере семиотический компонент значения присутствует в имени нарицательном (*crow*, *old crow's nest*), тогда как в более поздних произведениях семиотическую нагрузку несут имена собственные.

Представляется также необходимым рассмотреть способы членения мира по вертикали. Отправной точкой для нашего анализа служит утверждение С. Е. Никитиной, согласно которому мир традиционного фольклора ориентирован именно по вертикали¹⁹.

Мировидение людей во многом зависит от естественных физических условий их жизни, а также от представлений мифологического порядка. Так, условия проживания народа влияют на обыденное восприятие пространства. Вместе с тем точка зрения на пространство как на сакрализованную субстанцию кроется в области мифологии. Говоря о географических предпо-

сылках вертикального членения мира в английской фольклорной традиции, необходимо принимать во внимание небольшие размеры и островной статус Великобритании. Влияние этих факторов сильно в сочетании с укоренившимися в подсознании верованиями, предубеждениями и «осколками» магических ритуалов древних народов, населявших Британию.

Этим, вероятно, объясняется выбор пространственных ориентиров: *the moon*, *the hill*, *the tree*, *the house* и др.

Например, в загадке о звезде указываются такие ключевые элементы пространства, высота которых мыслится эталонной, как «дом» и «дерево»:

Higher than a house,
Higher than a tree;
Oh, whatever can that be?

В тексте

There was an old woman tossed up in a basket
Seventeen times as high as the moon...

своеобразной единицей измерения пространства является расстояние от Земли до Луны, при этом Луна рассматривается как важная точка в пространстве.

В текстах NR зафиксировано значительное количество случаев движения по шкале верх – низ, что особенно важно для построения фольклорно-языковой картины мира NR. Вот лишь некоторые из них:

Jack and Jill went up the hill
To fetch a pail of water;
Jack fell down and broke his crown
And Jill came tumbling after...
...The wheelbarrow broke and my wife had a fall,
Farewell wheelbarrow, little wife and all...
Humpty Dumpty sat on a wall,
Humpty Dumpty had a great fall...

Анализ этих фрагментов показывает, что движение вверх ассоциируется у носителей фольклорной традиции с весельем, прогрессом, созиданием и даже спасением, что подтверждается выбором лексических средств, обладающих положительной коннотацией и эмоциональной окраской (*dance up high*, *hopped upstairs to make her*

bed). Движение вниз, напротив, обозначает падение (наиболее частотные глаголы – to fall, to tumble), неудачу, провал, смерть. Эффект фатальности и вместе с тем предсказуемости достигается благодаря употреблению глаголов to fall, to tumble в сочетании с такими выражениями, как to make her will; to break one's crown / side / bone / head; farewell wheelbarrow, little wife and all; and never went up again; couldn't put Humpty together again.

Особый интерес представляют случаи употребления ключевых глаголов, вводящих оппозицию «верх – низ», в переносном значении и в эмоциональном контексте:

...If you'll be my little bride,
I will raise my love notes a little higher, higher, higher;

My little old man and I fell out,
How shall we bring this matter about?

...I sent him to the garden to pick some sage,
He tumbled down and fell in a rage.

Приведенные примеры убедительно доказывают, что человеческие эмоции и отношения также варьируются по шкале «верх – низ».

Любопытно отметить, что в текстах NR преобладает мотив «движение вниз», что, в свою очередь, объясняется семиотичностью фольклорного слова. Благодаря этой особенности глагол to fall и его синонимы способны выражать широчайший диапазон смыслов.

Фольклор поистине является вместилищем народных стереотипов сознания, что подтверждается данными, полученными в ходе анализа. Так, уникальность представления и членения пространства участника английского фольклорного сообщества предопределена не только влиянием традиционных универсальных фольклорных кодов, но и специфическим исторически и культурно обусловленным мировоззрением англичан.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Алефиренко Н. Ф. Ценностно-смысловая природа языкового знания // Языковая личность: проблемы когниции и коммуникации: Сб. науч. трудов / Под ред. Н. А. Красавского. Волгоград: Колледж, 2001. С. 3–11.

² Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993. С. 66.

³ Там же. С. 64.

⁴ Скафтымов А. П. Цит. по: Хроленко А. Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж, 1992. С. 16.

⁵ Пропп В. Я. Специфика фольклора // Фольклор и действительность. Избранные статьи. М., 1976. С. 27.

⁶ Там же. С. 30.

⁷ Толстой Н. И. Цит. по: Черванева В. А., Артеменко Е. Б. Пространство и время в фольклорно-языковой картине мира (на материале эпических жанров): Монография. Воронеж, 2004. С. 8.

⁸ Пропп В. Я. Указ. соч. С. 25–33.

⁹ Никитина С. Е. Указ. соч.

¹⁰ Черванева В. А., Артеменко Е. Б. Указ. соч. С. 5.

¹¹ Попова З. Я., Стернин И. А. Концептосфера и картина мира // Язык и национальное сознание. Вып. 3. Воронеж: Истоки, 2002. С. 4–8.

¹² Никитина С. Е. Указ. соч.; Она же. Культурно-языковая картина мира в тезаурусном описании: Дис. на соис. учен. степени д-ра филол. наук. М., 1997.

¹³ Черванева В. А., Артеменко Е. Б. Указ. соч.

¹⁴ Пропп В. Я. Цит. по: Черванева В. А., Артеменко Е. Б. Указ. соч. С. 31.

¹⁵ Opie I., Opie P. The Oxford dictionary of nursery rhymes. Oxford, N. Y.: Oxford University Press, 1996.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Петренко О. А. Народно-поэтическая лексика в этническом аспекте (на материале русского и английского фольклора): Дис. на соис. учен. степени канд. филол. наук. Курск, 1996.

¹⁸ Черванева В. А., Артеменко Е. Б. Указ. соч. С. 13.

¹⁹ Никитина С. Е. Указ. соч.